

Попов Федор Гаврилович

Поезд смерти

**Белый террор при чехо-
учредиловщине**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф33

Ф33 **Федор Гаврилович П.**
Поезд смерти: Белый террор при чехо-учредивовщине / Попов Федор Гаврилович – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 210 с.

ISBN 978-5-519-79129-8

ISBN 978-5-519-79129-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловие

После Октябрьской революции эсеры и меньшевики, вкуче со всяким другим контрреволюционным сбродом, истерически кричали о «большевистском терроре», «насилиях» над личностью, о нарушении большевиками принципов «демократизма и народовластия» и пр. и пр.

Эти вопли особенно усилились после роспуска в январе 1918 года Учредительного собрания. На помощь российской контрреволюции пришла заграничная буржуазная и социал-фашистская печать. Она повела против большевиков яростную кампанию, обливая их грязью лжи и клеветы.

Ленин, разоблачая гнусную клевету Каутского на диктатуру пролетариата, писал тогда, что «если не издеваться над здравым смыслом и над историей, то ясно, что нельзя говорить о «чистой демократии», пока существуют различные классы, а можно говорить только о классовой демократии» (Ленин, Собр. соч., т. XXIII, стр. 345).

Четырехмесячная деятельность «чистой демократии», организованной в Самаре в 1918 году с помощью Антанты, является весьма ярким подтверждением положения, приведенного В. И. Лениным.

Рождение в Самаре эсеровской «чистой демократии» ознаменовалось грандиозными кровавыми расправами. Эти расправы неизменно повторялись впоследствии при взятии учредилкой каждого города, каждой деревушки.

Расправы не прекращались и с удалением линии фронта от того или иного города, с наступлением «нормальной» обстановки. Наоборот, террор значительно усиливался. При этом органы учредилки применяли самые разнообразные формы террора, насилий и издевательств над революционной частью населения.

Настоящий сборник посвящен белому террору при господстве самарской учредилковщины (Комитета членов Учредительного собрания—Комуча) и призван показать в истинном свете героев «чистой демократии», показать не по их демагогическим заявлениям, а по практическим делам.

Сборник составлен из разнообразных материалов и документов. Помимо воспоминаний активных участников событий 1918 года в сборнике имеются материалы и документы, взятые из учредилковской, а также из советской печати 1918 года и последующих лет.

Весь материал сборника разбит на четыре основных отдела.

В отделе, озаглавленном «Кровавые дни», даются материалы и документы о расправах учредилки с трудящимися в моменты занятия городов и сел, а также с попавшими в плен красноармейцами.

Отдел «Демократия на практике» знакомит читателя с общим режимом Комуча, его отношением к пролетарским организациям и вообще с его делами в «мирной» обстановке «возрождения России», как любили определять свою миссию деятели Комуча. В этом же отделе читатель найдет материалы об учредилловских тюрьмах, контрразведках и других подобных учреждениях, на насаждение которых Комуч не жалел ни сил, ни средств.

Положению в деревне, которая была отдана во власть карательных отрядов, посвящен отдел под названием «Во власти карательных отрядов».

И наконец, последний отдел—«Поезд смерти»—расскажет читателю об ужасах, которые довелось пережить нескольким тысячам заключенных, отправленных учредилкой в Сибирь. Далеко не все заключенные смогли пережить этот кошмарный путь: добрая половина их погибла от голода, холода, эпидемий и пуль конвойных офицеров.

Распределение материала по означенным отделам встретило значительные трудности, ибо во многих воспоминаниях последовательно затронуты самые различные вопросы. Поэтому, пусть читатель не сетует на нас, если он установит тождественность некоторых материалов, помещенных в разных отделах.

Более подробная характеристика материалов дана в небольших вводных заметках перед каждым отделом.

Для того чтобы читатель имел возможность составить более цельное представление о самарской учредилке, мы даем в начале сборника общую вводную статью—«Учредилловщина».

Учредиловщина

(вступительная статья)

Организаторы интервенции

В плане борьбы международной и внутренней контрреволюции против Советской республики Поволжью, как и другим «хлебородным окраинам», отводилась серьезная роль.

План интервентов заключался в том, чтобы нанести первые удары Советской России путем вооруженного выступления внутренней контрреволюции в ряде городов: Рыбинске, Ярославле, Костроме, Муроме, Шуе, Иваново-Вознесенске. В задачу чехо-словацких войск входило: занять Сибирскую железнодорожную магистраль, укрепиться на среднем течении Волги и соединиться с фронтом, который должен был быть создан в верховьях Волги. Этот соединенный фронт контрреволюции предполагалось поддерживать союзническими десантами через Владивосток, Мурманск и Архангельск.

Партия эсеров, целиком купленная международным империализмом, предоставила интервентам все имевшиеся в ее распоряжении силы и свой опыт конспиративной и террористической деятельности. Еще в начале 1918 года, после разгона Учредительного собрания, часть ответственных работников и членов ЦК партии эсеров была перебросена в Самару для непосредственного руководства будущим выступлением. Переброска эсеров и белогвардейцев в районы будущего выступления особенно усилилась с апреля. Эсеры специально посылали в Красную армию

своих людей, чтобы в свое время использовать их для предательского удара в спину советской власти. Многие из эсеров-белогвардейцев, посланных в Красную армию, были военными специалистами и естественно в скором времени выдвинулись на командные должности.

В значительной степени следствием этих мероприятий контрреволюции и явились те успехи, которые сопутствовали чехо-учредиловщине в первое время.

То, что одним из очагов контрреволюции оказалось Поволжье, явление не случайное. Поволжье—по преимуществу сельскохозяйственный район. Здесь не было крупных пролетарских центров, и тот пролетариат, который имелся, являлся часто полукрестьянином, будучи прочно связан с деревней. Появление в поволжских губерниях продовольственных отрядов вызвало бешеную антисоветскую агитацию кулачества, весьма сильного здесь экономически, и именно в этот период наблюдаются колебания среднего крестьянства.

Все это учитывали интервенты. В. И. Ленин говорил в июле 1918 года, что план интервентов «состоит в том, чтобы отрезать от России хлебные местности», и как раз «в хлебородных окраинах они нашли себе социально-классовую опору, нашли себе местности с преобладанием кулаков, богатых крестьян» (Ленин, т. XXIII, стр. 158).

Колебания среднего крестьянства объективно явились опорой для контрреволюции. Эти колебания крестьянства нашли яркое отражение и в соотношении политических сил в органах советской власти зимой и весной 1918 года.

Так например, на состоявшемся незадолго до чехо-учредиловщины самарском губернском съезде советов большинство оказалось за левыми эсерами, максималистами и другими представителями мелкой буржуазии. Следствием дальнейшего обострения борьбы соглашательских мелко-

буржуазных партий против советов явился анархо-максималистский бунт в Самаре 17—18 мая.

Сходное с самарским положение было и в других городах Поволжья.

О настроениях деревни зимой 1918 г. яркое представление дает сводка наказов о власти волостных съездов по Симбирской губернии.

Вот эта сводка.

У Е З Д Ы	За сове- ты	За Учр. собр.	Колебл.	Без на- казов
Симбирский	8	5	1	—
Сенгилеевский	8	4	2	3
Сызранский	10	3	1	4
Ксерунский	17	4	2	2
Курмышский	5	1	2	9
Буинский	5	9	3	5
Алатырский	4	6	2	—
А. датовский	8	4	3	1
Итого по губернии . .	65	36	16	24

Безоговорочно за советы имеется 65 наказов, за Учредительное собрание 36, колеблющихся 16 и без наказов 24 волости. Таким образом хотя большинство наказов за советы, тем не менее указы за Учредительное собрание и колеблющихся составляют довольно солидную часть.

Эта сводка составлена на основании материалов волостных съездов. А губернский съезд оказался в значительной степени явно кулацким. Только в результате блока с левыми эсерами и максималистами большевикам удалось все же выйти с некоторой победой, но зато им пришлось уступить ряд важнейших постов (военный комиссариат, продовольственный, земельный) левым эсерам.

Все это, так же как и авантюра левых эсеров, являлось отражением тех колебаний, которые происходили в среднем крестьянстве. Это объективно способствовало успехам контр-

революции на первых порах, до тех пор, пока классовое деление внутри крестьянства окончательно не созрело и когда «беднейшее крестьянство не из книг, не из газет, а из жизни училось непримиримости своих интересов с интересами кулаков, богатеев, деревенской буржуазии» (Ленин, т. XXIII, стр. 392).

Чехо-словацкий мятеж

Империалисты весьма тщательно и упорно готовились к интервенции против Советской России. Эта подготовка проходила по двум основным направлениям. С одной стороны, союзники развили бешеную деятельность в самой России, сколачивая контрреволюционные силы, организуя базы будущего восстания, снабжая подпольные антисоветские организации оружием, деньгами и пр.

Но империалисты трезво смотрели на весь этот контрреволюционный сброд, не особенно полагаясь на его способность бороться с большевиками. Поэтому наряду с деятельной подготовкой выступления подпольных контрреволюционных организаций союзники с первых же дней после Октябрьской революции были озабочены созданием такой боевой силы, которую можно было бы в любой момент двинуть против Советской республики.

Разумеется, союзники могли бы двинуть против Советов свои войска. Но этот путь был опасен для самих же союзников. Дело в том, что в связи с выходом Советской России из коалиции и прекращением войны с Германией положение союзных войск на фронте было весьма тяжелым. Снять с фронта сколько-нибудь значительные силы союзники не имели возможности.

К тому же для посылки войск с запада союзники просто-напросто не имели возможности, ибо здесь их отделял от России ряд государств, с которыми у них шла война. В

свете этих фактов становится понятной и позиция Англии, которая, по свидетельству ген. Гревса, еще в марте 1918 года просила Японию оккупировать Сибирь вплоть до Урала и установить свой контроль над Сибирской железной дорогой.

Наряду с этим пролетариат воюющих стран все более резко выступал против войны вообще и в особенности против посылки войск для борьбы с Советской Россией.

При таких условиях чехо-словацкие войска, находившиеся в России, являлись наиболее подходящей силой, которую Антанты и решила бросить для удушения Советской республики.

Но прежде чем переходить к рассмотрению событий, связанных с чехо-словацким выступлением, необходимо познаться с историей возникновения чехо-словацких войск в России.

До конца 1918 года территория нынешней Чехо-Словакии входила в состав австро-венгерской монархии. Трудящиеся чехи, словаки и другие народности, находившиеся под властью Австро-Венгрии, переносили двойной гнет: гнет и эксплуатацию собственной национальной буржуазии и гнет австро-венгерского империализма.

Тот национальный гнет, который испытывали на себе трудящиеся чехи и словаки, естественно способствовал распространению среди трудящихся националистических идей и ненависти к австро-венгерскому правительству. Эти идеи в свою очередь поддерживались и чешской буржуазией, которая стремилась нераздельно господствовать над народными массами Чехии, а потому боролась за отделение от Австро-Венгрии и за создание собственного государства. Националистические идеи буржуазией поддерживались также и потому, что эти идеи отвлекали трудящихся от классовой борьбы против буржуазии.

Будучи под двойным гнетом, широкие массы чехо-словацких рабочих и мелкой буржуазии связывали борьбу за национальное освобождение с надеждами на осуществление социальных и экономических реформ, которые бы коренным образом улучшили их экономическое положение.

Мировая война вызвала обострение ненависти чехо-словацких масс к Австро-Венгрии. Этому сильно способствовали и чешские националисты из среды буржуазии и интеллигенции, которые надеялись, что в результате военного разгрома австро-германской коалиции им удастся провозгласить независимость чехо-словацкого государства. В 1915 году в Париже под руководством чешского националиста профессора Масарика был учрежден чехо-словацкий Национальный совет, имевший отделения во всех государствах Антанты. В России отделение Национального совета было организовано сначала в Петрограде, а затем в Москве и Киеве.

Мобилизованные в австрийскую армию чехо-словаки, пропитанные националистическими идеями и ненавистью к Австро-Венгрии, были настроены пораженчески и массами переходили в русский плен. Чехо-словацкие солдаты сдавались в плен целыми взводами, ротами и даже полками. По подсчетам одного журналиста, в русском плену было около 200 тысяч чехо-словацких солдат.

Во время войны чехо-словацкая буржуазия, проживавшая в России, обратилась к царскому правительству с ходатайством о разрешении формировать из числа пленных чехо-словаков специальные чехо-словацкие легионы.

Царский генерал Романовский в докладной записке военному министру так определял цели формирования чехо-словацких легионов:

«Идея подобных формирований—это создать в пределах России ядро будущей национальной армии в свободной Чехии и дать возможность этому ядру боевой работой на

фронте заслужить на предстоящей мирной конференции всеобщее признание их самоотверженной работы в деле низвержения немецко-мадьярского деспотизма».

Как видим, формирование легионов было прежде всего одним из средств купить у Антанты признание независимости Чехо-Словакии. Оно кроме того избавляло чехо-словацкую буржуазию, жившую в России, но формально являвшуюся австрийскими подданными, от репрессий и конфискаций имущества в связи с войной.

В начале 1916 года начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Алексеев получил у царя согласие на формирование чехо-словацких легионов. И уже летом этого года чехо-словацкую дружину стали развертывать в бригаду.

После Февральской революции формирование чехо-словацких войск продолжалось. Принятое Временным правительством положение о формировании чехо-словацких войск передало «Союзу чехо-словацких обществ» право набора добровольцев. Однако и Временное правительство, по примеру царского, оставило в чехо-словацких частях язык делопроизводства русский. Временное правительство явно боялось дать «дурной пример» угнетенным народам России, и поэтому старший командный состав в чехо-словацких войсках должен был быть русского происхождения, точно так же, как все хозяйственные должности (казначей, начальники хозяйственной части и т. д.) непременно замещались русскими офицерами.

Несмотря на противодействие русских промышленников и помещиков, лишавшихся в лице пленных чехо-словаков дешевой рабочей силы, чехо-словацкие легионы быстро увеличивались, и к концу мая 1917 года в ряды чехо-словацких частей было завербовано 26 тысяч солдат и около 300 офицеров.

В начале июня 1917 года бывший в то время главком генерал Духонин распорядился «довести существующую чехо-словацкую бригаду, уже зарекомендовавшую себя блестящей боевой работой, до штата 4-полковой стрелковой дивизии, с соответствующей артиллерией и инженерными средствами и с развертыванием ее 4-ротного запасного батальона в 8-ротный и на этом ограничить в будущем развертывание чехо-словацких частей».

Во время известного июньского наступления чехо-словацкие войска одержали значительную победу у Зборова, за что Керенский разрешил формирование второй чехо-словацкой дивизии.

К моменту Октябрьской революции из чехо-словаков был сформирован целый корпус, численностью более 40 тысяч человек, который находился на Украине. Когда немецкая армия начала оккупацию Украины, чехо-словацкий корпус перешел на территорию РСФСР.

То, что чехо-словацкие части формировались буржуазией и руководство этими частями было в руках реакционного офицерства—русского и чешского,—все это не могло не отразиться и на настроениях рядовых легионеров. Чешское офицерство вело среди солдат усиленную контрреволюционную агитацию. Эта антисоветская работа особо настойчиво велась русскими офицерами и другими элементами, кто имел основание ненавидеть советскую власть. К слову сказать, таких элементов в чехо-словацком корпусе уже к маю 1918 года, т. е. к моменту выступления, насчитывалось очень большое количество—до 20 процентов его состава. Чехо-словацкое командование очень радушно принимало в свои ряды русское реакционное офицерство, после Октябрьской революции искавшее возможности посчитаться с советской властью.

В результате этой усиленной вербовки реакционного офицерства на каждые 16 солдат в рядах чехо-словацкого